

7 класс

В Литературном музее проходит выставка, посвящённая ключевым образам литературы. Каждый зал выставки представляет один из таких образов. Вы куратор экспозиции одного из залов, Ваша задача – написать текст, который предваряет знакомство посетителей выставки с экспозицией зала (экспонаты даны ниже): расскажите, какому образу посвящен зал, какое символическое значение он получил в литературе и искусстве, с какими темами и мотивами он связан, как раскрывается его значение в предложенных экспонатах. Обязательно используйте примеры из других художественных произведений.

Рис.1. – Кадр из фильма «Алые паруса». Режиссёр – А. Птушко, 1961.

Рис.2. – С. Бродский. Иллюстрации к повести «Алые паруса»

Рис.3. – В.И. Ладыгин. Иллюстрация к роману «Два капитана»

Рис.4. – В. Лукьянец. Иллюстрация к былине «Садко»

Рис.5. – Кадр из мультфильма «Сказка о рыбаке и рыбке». Режиссер – М. Цехановский, 1950.

7 – 8 класс

Комментарий

Задание позволяет проверить понимание учеником характерных особенностей разных видов искусства (литературный текст – иллюстрации к тексту, фильм и мультфильм с литературным сюжетом), умение увидеть символический смысл как литературных, так и визуальных образов, способность сравнивать произведения, опираясь на сведения о средствах выразительности в них.

Критерии оценивания

1. Верно названы образы и обозначены их символические значения – до **10 баллов** (образы моря как жизненного пути, поиска, стремления к цели, преодоления препятствий и т.д.; паруса как мечты, надежды, жизненного ориентира, опоры и т.п.)
2. Рассмотрены художественные приемы, раскрывающие символический смысл этих образов в предложенных экспонатах – до **7 баллов**.
3. Приведены уместные примеры из других художественных произведений – до **5 баллов**.
4. Логичность, связность, речевая грамотность – до **3 баллов**.

Максимальный балл – **25**.

9 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Ах Астахова (род. 1987)

Я хочу быть ребенком

Я хочу быть ребёнком: наивным и смелым,
Ничего не бояться и верить в добро.
Я бы снова писала по черному белым:
Два плюс два — ну, четыре, конечно, равно!

Ну, конечно, боялась бы в школу без сменки,
И, конечно, бежала бы первой с звонка.
С каждой чашек молочных спивала бы пенки!
И не знала бы вовсе, что значит тоска.

Я боялась бы папу (и маму, наверное),
Я боялась бы поздно вернуться домой.
Мне казалось бы всё в этой жизни бессмертным,
И ничто не тревожило б детский покой.

Я хотела бы плакать от ссадин и шишек,
И не плакать от горя ушедших людей.
Я б без всякой любви целовала мальчишек,
Я б ребёнком была среди этих детей.

Я любила бы всё, не боясь ошибиться,
Я бы каждое утро спешила гулять...
Вот бы в мире детей мне опять очутиться —
На неделю, на день, на минуточек пять!

Но, похоже, я выросла — стала огромной,
Беззащитной, но взрослой. Хорошей и злой.
И домашней я стала, и стала бездомной,
И тяжёлой я стала, и стала простой.

(2020)

Выполните целостный анализ произведения А. Астаховой. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: значение приёма антитезы, использование условного наклонения в осмыслении состояния взрослости лирической героини. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Нафания

Эта воистину сказочная, фантастическая история случилась со мной несколько дней назад. Один знакомый предложил мне выгодную сделку, от которой я не смог отказаться. В обмен на несколько кружочков старинных монет он предложил мне солидную сумму наших, пусть и неконвертируемых, но все же желанных рублей.

Мы ударили по рукам, и уже вечером я трясся в электричке, направляясь в деревню к бабке, где, как я был уверен, есть то, что мне нужно.

Бабуля очень обрадовалась приезду любимого внука, и уже спустя минуту, как по мановению волшебной палочки, на простом деревянном столе, покрытом белой скатертью, появилась обжигающая, бесподобно вкусная картошка, шмат деревенского сала и крынка настоящего парного молока, вкус которого я уже давно позабыл, поселившись в пыльном и грязном городе.

Бабка на удивление быстро дала разрешение на «обыск» и даже указала место, где, по ее разумению, должно находиться то, что меня интересует. Мысленно я уже поздравлял себя с успехом.

Закончив трапезу и направляясь в кладовку к заветному сундуку, я не обратил особого внимания на странные слова бабки, произнесенные мне вослед: «Смотри там, внучек, поосторожнее, не обижай Нафанию!»

— Ну, вот еще, — буркнул я себе под нос, — стоит меня предупреждать о каком-то там коте, к ним я равнодушен, я уже давно вышел из того возраста, когда этих созданий мальчишки самозабвенно таскают за хвост и также самозабвенно верят в сказки.

Верят в сказки. Лучше уж таскать кота за хвост, привязывать к его хвосту банку, чем верить таким глупостям, как сказки. В сказки я не верил это точно, по крайней мере, до того момента, пока не повстречал Нафанию, — маленького и нахального серого домового. Впрочем, обо всем по порядку.

Лампочка в кладовке светила тускло. Нужно будет сменить ее, в очередной раз дал себе слово. Но худо-бедно, а видно было, так что то, что со мной случилось, на зрение и темноту валить я не имею права.

Открыв сундук, откладывая в сторону ненужный хлам, я принялся искать то, ради чего, собственно, сюда и заявился.

Вот тут-то и появился Нафания, нарисовался во всем своем блеске и величии. Сперва я принял его за мышь, в тот момент, когда в углу послышались какие-то подозрительные шорохи. Приглядевшись, я заметил в куче рухляди в самом конце кладовки какое-то серое существо с плутоватой рожицей.

По этому поводу я даже произнес небольшую речь.

— Мышь, — сказал я, — мышь полевая, мышь амбарная, грызун и вредитель, — констатировал я сей факт и в доказательство своей правоты швырнул в угол подвернувшийся под руку старый, еще покойного дедушки башмак.

Мышь проворно увернулась и, возмущенно хмыкнув, перебралась на коробку со старой посудой, где и открыла свой рот. И тут произошло невероятное. Мышь заговорила! Нормальным человеческим языком, глядя на меня и, без сомнения, обращаясь именно ко мне.

— Болван, молодой тупоголовый кретин, — молвило существо, что при более пристальном рассмотрении походило скорее не на мышь, а на крохотного, покрытого серой шерстью человечка.

Я застыл на месте с зажатыми в ладони монетками, недоуменно взирая на происходящее, напряженно размышляя о том, хорошо ли я спал прошлой ночью и не слишком ли много хватил за обедом парного молока.

А тем временем серое существо, пользуясь моим замешательством и недоумением, продолжало разглагольствовать в том же духе, не забывая время от времени поносить меня еще более обидными словами. Смысл его речи сводился к тому, что даже самая последняя мышь в тысячу

раз умнее такого идиота, как я, а что касается его, Нафани, так я не стою и пучка его превосходной шерсти.

Вскоре я вышел из состояния оцепенения, и в зарвавшегося оратора полетел еще один башмак, от которого он снова благополучно увернулся, не прекращая ни на миг своей гневной обличительной речи.

Последующие несколько минут были сущим светопреставлением. Не на шутку разгневанный высокопарными речами незваного оратора, я занялся обстрелом всерьез, швыряя в него все подряд. Он искусно маневрировал, уклоняясь от моих метательных снарядов, причем с каждым новым залпом поток его красноречия отнюдь не иссякал, а наоборот, становился все более пышным и колоритным.

Настал момент, когда я, вконец обессиленный, повалился на какие-то узлы прямо у сундука, глотая поднятую нашей возней пыль, а мой мучитель с явно чересчур длинным языком, продолжал атаку на психику, уже в десятом колене понося моих предков и будущих потомков.

И тогда я пошел на хитрость.

Притворившись задремавшим, я выждал момент, когда Нафания, — супердомовой, прозябающий в этой халупе, хотя должен жить в хоромах, как он сам выразился, — несколько поумолк, а затем и вовсе стих, грозя кулачком и бросая на меня полные презрения взгляды. И вот тут-то я и осуществил свой грандиозный замысел, буквально сразив Нафанию небольшой речью.

— А все-таки ни сказок, ни тем более домовых не существует, и кто утверждает обратное, тот самый настоящий кретин.

Теперь пришел черед поразиться наглости Нафани. От возмущения он потерял дар речи и только беззвучно хлопал губами, тщетно силясь хоть что-то сказать.

И я нанес еще один удар.

— Сказок не существует, а вот говорящий вредитель-грызун, — вещь вполне допустимая и наукой не отвергаемая.

Сказав это, я с самым невинным видом отвернулся от Нафани, не обращая на него внимания, пропуская мимо ушей целый шквал оскорблений, обрушившийся на меня. Но этого Нафани показалось мало, и он перебрался на сундук, рассчитывая произнести свою красочную речь мне прямо в ухо. Он допустил непростительную ошибку.

Молниеносно развернувшись, я спихнул его в сундук и захлопнул крышку, не обращая внимания на мольбы и проклятия, попеременно раздающиеся из его недр. Вскоре Нафания умолк, пообещав мне на прощание кучу мучений-приключений.

Не обращая более внимания на плененного домового, я, став на четвереньки, принялся собирать с пола оброненные в схватке монеты. И в этот миг что-то треснуло меня по голове, перед глазами поплыли радужные круги, а тело рухнуло в пустоту...

Очнулся я в каком-то странном лесу. Даже стало чуточку страшно, такой дремучей чащобы я не видел отродясь. Как меня угораздило сюда попасть?

Я попытался ущипнуть себя, дабы убедиться в том, что это не сон и не наваждение и вся эта чушь собачья существует на самом деле. Но сделать это оказалось не просто, скорее даже невозможно, ибо рук у меня не было, как, впрочем, и головы. А вот ноги, — те, действительно, были, я отлично их чувствовал, — две превосходные куриные ноги. Было и тело с глазами, — подгнивший деревянный сруб с подслеповатыми оконцами.

Я стал избушкой. Избушкой на курьих ножках, типичным персонажем русской сказки, в существование которых я не верил. Я стал вещью и, стало быть, имел хозяина, скорее, хозяйку. А вот и она приближается на ступе.

Смотри-ка: летит точнехонько на крыльцо. Что ни говори, а бабуля ас, хотя ас с довольно неприятной внешностью.

А это кто там пристроился рядом с нею, на самом краешке ступы? Ба! Да это ж Нафаня! Ну уж дудки, не видать вам мягкой посадки!

В самый последний момент я повернулся немного в сторону. И все-таки бабка оказалась скверным пилотом. Она не успела сманеврировать, в результате раздался удар, слышались стоны и проклятия.

Я видел в окно, как из покореженной ступы выбирается позеленевшая от ярости старая ведьма, а следом за нею семенит Нафаня, как они с проклятиями приближаются к крыльцу.

Я их видел, как и все нормальные люди, через окно. Я снова стал человеком, добрым молодцем, каким я выглядел в зеркальном отражении отполированных до блеска огромных кастрюль. Уж очень были большими кастрюли, и слишком зла была бабка, и я решил не дожидаться ее появления, а где-нибудь спрятаться.

Я укрылся за печь, огромную русскую печь. Но подлец Нафаня выдал меня. До сих пор у меня стоит перед глазами та ехидная, торжествующая физиономия и указующий в мою сторону перст.

И я был схвачен, несмотря на то что был крепким добрым молодцем и владел кое-какими приемами. Но мне не повезло. Я нарвался на старуху с талантом гипнотизера, ибо руки и ноги отказались повиноваться, и я оказался усаженным на здоровенную лопату и путь мне предстоял один, — в печь. Нафаня испортил мне последние мгновения жизни, открыв, глумясь, печную заслонку.

Так началось мое бесконечное путешествие по сказочному миру...

Кем мне только не приходилось быть: и добрым молодцем, и стариком шарманщиком, гномом, красной девицей, предводителем разбойничьей шайки, Кошечем, Змеем-Горынычем и еще черт те знает кем и чем. Куда только не бросала меня судьба. Все вокруг меня менялось, находилось в непрестанном движении, и прямо из одной сказки я попадал в другую. Неизменным было одно: где бы я ни был, повсюду встречался мне Нафаня и устраивал какую-нибудь гадость. В конце концов я настолько к нему привык, что не мыслил себя без нахального домового, и поэтому не предал Нафаню, как мечтал, сотням ужасных и мучительных смертей, когда он, совершив нелепую ошибку, оказался в моих руках. Я не убил его, но и простить не мог. Я поступил иначе. Я обрек Нафаню на вечные мучения и скитания, расплатившись его же монетой. Я запечатал маленького нахала в бутылку и бросил в море, и волны унесли ее прочь.

Меня, как и прежде, облик и место пребывания, меняя сказку за сказкой, я продолжал жить дальше. Но только без Нафани. Признаюсь честно, мне даже стало чуточку грустно, ибо, утратив его, я утратил то единственное, что вызывало воспоминания о прошлом.

Однажды я оказался в Лукоморье, где познакомился с говорящим котом, который умел не только рассказывать сказки, но и мыслить. И этот кот оказал мне неоценимую услугу, вернул утерянный душевный покой.

— Найди Нафаню, — сказал он, — и ты покинешь мир сказок, где ты чужой.

И я последовал мудрому совету. Я искал Нафаню повсюду. В морях-океанах, в густых непроходимых лесах, на вершинах скалистых гор, в шумных сказочных городах. Это был волшебный мир, и брошенная в воду бутылка могла оказаться где угодно. Но все-таки она оказалась в море!

Я прошел вдоль и поперек сказочные земли, но Нафани нигде не было.

...Возле самого синего моря стояла старая покосившаяся хибара, вблизи которой сушились на солнце сети. Я привычно снял их с крючьев и забросил в море, словно только этим и занимался всю жизнь. Я был в новой сказке и жил жизнью персонажа.

Выждав, я принялся вытягивать снасти обратно под крики и проклятия вышедшей на крыльцо вечно недовольной старухи-супруги. Я тянул сеть в надежде поймать золотую рыбку и попросить у нее, перво-наперво, целое корыто взамен старого, растрескавшегося. А может, лучше вместо корыта, не слушая брань старухи, попросить владычицу морей вернуть мне Нафаню!?

Сеть потихоньку выбиралась на берег, и в самом конце ее определенно что-то было. Нет, это была не золотая и ни какая-нибудь другая диковинная рыбка, это была бутылка бледно-зеленого цвета.

— Нафаня, — прошептал я, откупоривая бутылку, и... в тот же миг понял, что сижу в старой пыльной кладовке, в доме у бабки, держа в руках невесту как попавшую ко мне книжицу, открытую на этой кульминационной сцене.

Вокруг было разбросано еще множество самых разных книг, коробка с которыми и свалилась мне на голову, оставив на память о себе внушительную шишку.

Водворив коробку на место и подобрав рассыпанные по полу монеты, я подошел к сундуку и слегка приоткрыл крышку. И тотчас же в образовавшуюся щель шмыгнуло серое существо и проворно скрылось в углу кладовки.

«Интересно, — подумал я, — как сюда ухитрилась забраться мышь? А может это вовсе и не мышь!?»

(1997)

Выполните целостный анализ произведения А. Салова. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: характер и роль фантастики, соотношение реального и сказочного миров. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Перед Вами подстрочный перевод стихотворения французского поэта Шарля Бодлера (1821 – 1867) «Альбатрос» (1841), созданный с использованием искусственного интеллекта, и 3 варианта его перевода. Сравните переводы, сделанные поэтами, с подстрочным переводом и выберите ОДИН из них, который наиболее точно соответствует, на Ваш взгляд, авторскому замыслу. Напишите небольшое эссе (примерно 240-250 слов), в котором обоснуйте свой выбор (учитывайте лексику, детали, их влияние на расстановку смысловых акцентов).

Ш. Бодлер

Альбатрос

Подстрочный перевод

Часто, чтобы позабавиться, члены команды (матросы)
Ловят альбатросов, огромных птиц морей,
Которые следуют, ленивые спутники путешествия,
За кораблём, скользящим над горькими безднами.

Едва их опустили они на доски (палубу),
Как эти короли лазури, неуклюжие и пристыженные,
Позволяют жалко своим большим белым крыльям
Как вёсла волочиться рядом с ними.

Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!
Один дразнит его клюв своей трубкой-носогрейкой,
Другой изображает, прихрамывая, калеку, который летал!

Поэт подобен владыке туч

Кто властвует над бурей и смеётся над лучником;
Изгнанный на землю средь насмешек,
Его крылья гиганта мешают ему идти.

Ш. Бодлер

Альбатрос

Перевод П. Якубовича (1895)

Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут, он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу бури,
Застенчиво влачит, как два больших весла

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия
Летаешь в облаках, средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Вниз ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

Ш. Бодлер

Альбатрос

Перевод В. Набокова (1924)

Бывало, по зыбям скользят матросы
средь плаванья берут, чтоб стало веселей,
великолепных птиц, ленивых альбатросов,
сопровождающих стремление кораблей.

Как только он людьми на палубу поставлен,
лазури властелин, неловок и уныл,
старается ступать, и тащатся бесславно
громады белые отяжелевших крыл.

Воздушный странник тот, — какой он неуклюжий!
Та птица пышная, — о, как смешит она!

Эй, трубкою тупой мазни его по клюву,
шагнув, передразни калеку-летуна...

Поэт похож на них, — царей небес волнистых:
им стрелы не страшны и буря им мила.
В изгнание, — на земле, — средь хохота и свиста
мешают им ходить огромные крыла.

Ш. Бодлер

Альбатрос

Перевод Н. Ивановой (2007)

Как часто заскучавшие матросы
Средь грозных неизведанных морей
Забавы ради ловят альбатросов,
Скользящих за громадой кораблей.

Избранник неба и король лазури
Беспомощен на палубной доске,
И крылья, не боящиеся бури,
Как сломанные вёсла на песке.

Крылатый пилигрим, лишённый силы!
Властитель волн, посмешищем он стал!
Он раскрывает клюв, кричит уныло —
Хромой калека потешает зал!

Поэт — как альбатрос, небесный странник...
Средь облаков так сладостно парить!
А на земле он проклятый изгнанник,
И крылья не дают ему ходить.

10 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Александр Кушнер (род. 1936)

* * *

Быть классиком — значит стоять на шкафу
Бессмысленным бюстом, топорща ключицы.
О, Гоголь, во сне ль это все, наяву?
Так чучело ставят: бекаса, сову.
Стоишь вместо птицы.

Он кутался в шарф, он любил мастерить
Жилеты, камзолы.
Не то что раздеться — куска проглотить
Не мог при свидетелях — скульптором голый
Поставлен. Приятно ли классиком быть?

Быть классиком — в классе со шкафа смотреть
На школьников; им и запомнится Гоголь
Не странник, не праведник, даже не щёголь,
Не Гоголь, а Гоголя верхняя треть.

Как нос Ковалёва. Последний урок:
Не надо выдумывать, жизнь фантастична!
О, юноши, пыль на лице как чулок!
Быть классиком страшно, почти неприлично.
Не слышат: им хочется под потолок.

(1982)

Выполните целостный анализ произведения А. Кушнера. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: роль разговорной лексики, своеобразие поэтического синтаксиса. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Наталья Шумак (род 1970)

Воскресный сеанс психоанализа, или Фея в выходной

Накануне мне как раз стукнуло сорок девять. Грустно. Жутко. Непривычно. Жизнь споткнулась, захромала, точно больная лошадь и тяжело затрусила под гору. Вниз. К следующей дате — полувековой. О, Господи!

Это я? Разнесчастное лицо, бледный сжатый рот и первые старческие веснушки на руках... Это я? Быть того не может. В принципе. Но зловерное зеркало в ванной продемонстрировало каждую морщинку, не забыло и про мешки под глазами, и про появившийся второй подбородок. Разбить мерзкое стекло что ли?

Серый морозный воздух мерз вместе со мной. По утрам я обязательно проветриваю квартиру. Холодные волны вливались в форточку, кусали босые пальцы ног. Я старательно искала шлепанцы. Засвистел чайник, надсадно заорал дверной звонок, очнулся и принялся очумело бренчать будильник. Телефон проснулся и подал голос последним. Та еще получилась какофония. В духе сумасшедшей увертюры композитора-модерниста.

Хорошее утро – подумала я. Семь часов утра. Воскресенье. Выключить газ, пока чайник не взлетел с плиты. Нажать кнопку будильника, не то эта адская сталинская машина тридцать девятого года выпуска будет гроыхать десять минут - проверенный факт. Найти телефон... Где он притаился? Сашка установил его пару недель назад. Серая трубка с задорно торчащей антенной, несомненно, обладала способностью из вредности, или любопытства, сползать со своего места и прятаться по углам.

-Дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз-дз...

-Дзииии-дзииии-дзииии-дзииии-дзииии-дзииии-дзииии...

Соревновались звонок и телефон. Больше шума было от двери. Туда я и пошла. В глазок ничего не было видно - обзор совершенно загораживала охапка хризантем. Огромный букет обожаемых мною белых пушистых красавиц. Только не это! Избави Боже от поклонника или старого друга в воскресное утро после праздника. Мое опухшее лицо и всклокоченные волосы так и просились на экран. В фильм ужасов. Даже гримироваться не надо.

Телефон и дверной звонок старательно голосили без признаков утомления и желания передохнуть. Я решила притвориться отсутствующей. Съехала на пол под вешалкой и призадумалась. Сын? Посеял ключи и упрямо норовит ворваться в родимое гнездо? Да нет. Сашка с Машкой. Они дрыхнут до полудня. Исключено. Решительно отмечаем версию, как несостоятельную. Мой бывший? Это после восьми лет абсолютного молчания? Нет. Ленусик? Ну... Она бы могла... Но супруг (четвертый официальный) увез ее от меня в полночь. И сразу в аэропорт. Ох уж мне Ленусик со свадьбами и разводами. Она в самолете над океаном. Держит курс на острова, а руку в кармане мужа. Несомненно. Ленусик в полете и никак не может ломиться ко мне в дверь. Отпадает. Отпадает? Падает? Тьфу-тьфу-тьфу. Я суеверно, хорошо никто из коллег не видит, стучу пальцем по полу (паркет в прихожей тоже Сашенькиными усилиями - не сын, а кружок «Умелые руки») и старательно сплевываю через левое плечо, как раз на новые ботинки. Ну и? Другие варианты? Я перебирала друзей, близких знакомых и родственников, пытаюсь вычерпать реку чайной ложкой. Не хотелось вставать, гоняться за телефоном и сипеть в трубку (по утрам я без голоса), или пугать незваного визитера своей физиономией. Не дождетесь ни за что. Ясно?!

Дуэт электронных монстров примолк на несколько секунд и грянул с прежним пылом. Чудовищно. Отвратительно. Я посмотрела на присмиревший будильник: восемь минут восьмого. И не надоело? Возникло смутное желание разыскать надсаживающийся телефон, и, распахнув дверь, конкретно стукнуть им навязчивого визитера по лбу. Помилосердствуйте, кто же ведет себя так неприлично гадко в воскресное утро? Так по-свински, и без серьезной причины?! А вдруг, она существует – причина? Я с трудом, по частям, поднялась и доковыляла до двери. Пусть будет то, что будет. Наплевать! Открыла все три замка, дернула за ручку. Ну? Мы остолебенели вдвоем. Молодой джентльмен (оперился совсем недавно, год-другой назад я бы назвала его юным) в длинном плаще и сам тоже длинный, худоват для того, чтобы называться высоким. Плечи узкие и тонкая детская шея. Одной рукой он прижимал к груди охапку цветов, в другой – опущенной, трезвонил телефон.

- Мило.

Сказала я.

- Очень мило.

- Здравствуйте.

Ответил он. Его лицо из озадаченного снова сделалось упрямым.

- Даша говорила, что живет одна!

- Даша?

Удивилась я.

- Меня зовут Дарья Вадимовна, не спорю.

- Я пока еще в своем уме. Она обещала позвонить сразу, как только я вернусь! Сразу! Понимаете?

- Не понимаю.

Вяло не согласилась я и предложила:

- Входите.

В конце концов, соседи уже получили свою часть представления. И я решила, что теперь им придется довольствоваться стандартным: «За сценой прозвучал выстрел». Приглашение пришлось повторить трижды. Сашка, конечно, вставит мне пистон, если узнает. Пускать в дом кого попало! Незнакомец переступил порог. Я захлопнула за ним дверь. Теперь мы стояли на трех квадратных метрах моей прихожей. Близко, но никак не нос к носу: его мальчишеское лицо оказалось высоко надо мной. Пришлось задирать голову, как в храме, когда хочешь рассмотреть роспись на потолке.

- Как вас зовут?

Надо же было заговорить о чем-то.

- Саша.

Я молча смотрела на него.

- Не знаю, что и подумать. Она, что, разыграла меня? Это... нехорошо. Зачем? Зачем?

Он жестоко теребил букет, на пол сыпался белый дождь, и размахивал телефоном.

- Пойдемте, Саша, на кухню. У меня как раз вскипел чайник. Я вас напою. Вы успокойтесь. Мы подумаем, как такое могло произойти.

- Не знаю.

Тихо сказал он. Сунул телефон в карман, протянул пострадавшие хризантемы мне и выскользнул из плаща.

- Где у вас ванна?

Он долго шумел водой. Появился покрасневший и слегка успокоившийся. Ледяное умывание пошло на пользу. Ссутулился на моей любимой табуретке. Я налила несчастному гостю своего особого, с настоящим лимонником и мятой чаю. Цветы водрузила в старую глиняную вазу – единственный презент свекрови, мне в честь рождения Сашеньки. Моего, разумеется. Спортивного, темноволосого, смуглого. Сидящее напротив бледное существо по-жирафьи вытягивало шею и непритворно горевало. Чтобы у моего так дрожали губы? Того и гляди расплачется. Из-за девушки? Ни в жизнь. Машу – недотрогу, отличницу, синеглазую красотку, факультетскую звезду он приручил в две недели. Бегаёт теперь за ним, как собачка. Стоило только захотеть. А этот? Гость посмотрел мне в глаза с тоскливой безнадежностью, его сердце пульсировало в унисон с задуманным воплем отчаяния. Бедный. Надо же так вляпаться. Встала и как раз оказалась одного роста с этим несчастным ребенком. Ласково полуобняла за худые плечи, погладила по голове.

- Ну, ну... Все будет хорошо.

Сгорбившись, он почти лег на стол, тоненько поскуливая.

- Как она могла? Как она могла? Как она могла? Так не шутят. Так нельзя шутить.

Щелкнула красная коробочка. Откуда он ее достал? Изящное колечко со сверкающим камушком холодно смотрело на меня со своей атласной постельки.

- Я дурак. Я хотел ей сделать предложение. Сегодня.

Размахивая руками, он невзначай смахнул коробочку со стола, а заодно и мою заветную чашку. Старый немецкий фарфор... Трофей, привезенный дядей из Германии в сорок пятом. Осколки брызнули во все стороны. И поделом мне. Пожалела парня. Благими намерениями выстилают отнюдь не райские пути. Саша, не заметивший гибели моей драгоценной немецкой посудинки, горько плакал, уткнувшись лицом в ладони. Иногда он бормотал или даже отчетливо и быстро рассказывал.

Интересная вырисовывалась картина, однако. Чрезвычайно интересная. Они познакомились полгода назад. На какой-то модной выставке американских фотографов. Сашу на встречу с судьбой приволок дед, страстный любитель Пола Ньюмена и прочих корифеев. Даша ответила на какой-то вопрос старика, потом они заспорили, увлеклись. И совершенно обалдевший внук просто слушал и смотрел, смотрел, смотрел... Дед пригласил девушку на чашку кофе, потом все втроем они сходили в кино, на «Гладиатора». После увлекательного обсуждения свежего голливудского шедевра, они подбросили новую знакомую до метро и договорились о встрече в выходные.

- Она необыкновенная. Умная, веселая...

Были совместные поездки к деду за город.

- У него дача возле озера.

Катания на лодке, прогулки по осеннему лесу. Вечерние чаепития и игры в покер.

- У нее аналитический склад ума. Она всегда меня обыгрывала.

На вопросы о своей жизни Даша предпочитала не отвечать. Дед и внук решили не форсировать события. Мало ли какие неприятности были, о которых не хочется вспоминать. Встречались или у Саши, или у деда, или на нейтральной территории: кафе, клубы, даже в библиотеке несколько раз. Вместе проводили Старое Тысячелетие. Саша приглашал девушку в Париж. Что может быть лучше миллениума у Эйфелевой башни? Даша отказалась. Ничем особенным не мотивируя. Впрочем, на Рождество они съездили в Сергиев Посад. На крещение в Дивеево, купались в источнике, который открылся на месте явления Божьей Матери преподобному Серафиму Саровскому. После этого и случилась их – Первая Ночь.

- Я понял, что люблю ее. Что никого другого не хочу видеть рядом, ни через год, ни через десять лет.

Юношеский максимализм, плюс идеализация любимого человека. Скучно подумала я. Бедный мальчик. Впрочем, почему бедный? На рядовую жертву, которой попользовались, он не походил.

- Она не брала подарков. Никаких. У нее даже нет шубы. И она отказалась, когда я хотел ей купить. Она говорила, что принимать дорогие вещи нехорошо. Взяла только духи...

- Какие?

- «Кензо». Такая горькая свежесть. Знаете?

Еще бы мне не знать. Как-никак любимый аромат. Странно все это. Очень.

- Я всегда покупал ей хризантемы. Она просто жить без них не может. Много хризантем.

Мой взгляд соскользнул на поникший букет. Несколько белых лепестков упало на красную скатерть. Мысль зацепилась за эти изящные холодные запятые на кровавом фоне.

- Саша, а здесь вы тоже были?

- Один раз, перед отъездом, я проводил ее домой, до подъезда. Она не хотела, чтобы я поднимался до квартиры, но я настоял. Мало ли кого можно встретить по дороге. Так надежнее. Знаете, я подумал, может она замужем, несчастна и скрывает. Ранний неудачный брак. Может даже есть ребенок...

Голос трепетал. И неожиданно набрал силу.

- Это не важно. Понимаете? Абсолютно.

Он был готов к бою с ветряными мельницами. Отважный юный Дон Кихот. Неувязка приключилась с Дульсинеей.

- Я как чувствовал. Так не хотел никуда лететь. Но отец настоял. Дела семьи – это дела семьи. А Даша не дала номер телефона. Все скрытничала. Сказала, что позвонит сама. Меня не было две недели. Я места не находил. Вчера весь день ждал звонка. Бесполезно. Нашел по адресу телефон. И вот... Я здесь. У вас.

Я потеряла занывшие виски.

- Сколько вам лет, Саша?

- Двадцать семь.

- Сколько?

Он невесело улыбнулся.

- Даша тоже не поверила вначале. Паспорт заставила показать. Я моложе выгляжу, я знаю.

Он говорил, говорил, говорил... А я думала, что стерва-девчонка должна знать меня очень хорошо. Фамилия и имя мои. Цветы. Духи. Привычки – тоже.

- ... еле оттащил ее от витрины с самурайскими мечами. Она простояла возле них целый час, не меньше.

Так. Даже моя слабость к Востоку, особенно к Японскому искусству, украдена. Отметила я.

- Она читала мне эти странные стихи без рифмы. Смеялась, что я их не понимаю.

Досмеешься, голубушка. Решила я и спросила:

- Какая она из себя, Даша? Внешне?

Он замолчал.

- Может быть я ее знаю? Ну.

- Думаете?

Я не говорила несчастному Ромео о том, что образ его любимой Джульетты порядочно содран с моего собственного. Но решила сузить круг подозреваемых. Эта дикая выходка – назваться чужим именем, влезть в чужую жизнь, примерить чужие взгляды и привычки могла быть связана с кем-то из моих пациентов. Только этого не хватало!

- И так?

- Я хочу подумать, вправе ли я ее искать? Лезть в ее жизнь, раз она все обрубил?

Вот так финт. Он и в самом деле любит. Раз уж задумался о подобном.

- Но мы же не собираемся вредить Даше. Узнать, кто она, может быть, поговорить с ней.

Так?

Пока джентльмена одолевали противоречивые желания, пока в его душе сражались этика и чувство, я задумалась о вечном. Порою бытие представляется мне чем-то вроде игры на выживание. Скверные сюрпризы, запланированные тяготы, потери близких людей. Огромное количество препятствий, перебираясь через которые, теоретически, ты становишься сильнее. А практически – ожесточаешься и приобретаешь вместо вредных розовых очков, замечательные линзы циника. Жизнь отучила меня от восторженности и сентиментальных рассусоливаний. Не переваливать на других ответственность за собственные беды и скулить как можно меньше оказалось очень непросто. Что ж, я все еще учусь...

Кстати, Сашка считает меня странной, но добавляет при этом, что все психологи таковы.

- Я согласен.

Мой негаданный пациент созрел для допроса.

- Слушаю.

- Что?

- Все. Возраст. Рост. Цвет глаз. Прическа. Все. И так далее.

Он завел песню о неземном создании с грацией богини и очами, полными таинственного огня. Некоторые комплименты были превосходны. Например, интересно прозвучал пассаж о том, что Дашенька пахнет свежим ветром, чистым и прохладным. Впрочем, я никогда не претендовала на прекрасный литературный вкус. Пальцы дивной красоты, очевидно, означали неплохой маникюр? Та еще примета. Шерше ля фам, говорите? С описанием, которое делал влюбленный Саша, задача становилась все сложнее и сложнее, а результат казался эфемерным.

- Стоп.

Заявила я. Но заткнуть фонтан внезапно прорвавшегося красноречия оказалось нелегко. Понемногу я отключилась, сохраняя, однако, весьма внимательную мину. Моя древняя семейная практика. Свекровь отличалась способностью заболтать кого угодно до сумасшествия. И свирепела,

если ей не поддакивали, и не кивали в такт. Так что я замечательно умею слушать с упоенно-сосредоточенным выражением лица. Свекровь моя, свекровь. Фиг два я бы добилась чего-нибудь в жизни без предварительной подготовки, которую прошла у нее. Она закалила мой дух для грядущих битв. Тепличные домашние цветочки в соревновании со мной не имели ни малейшего шанса. Как свекровь называла меня? Подзаборница. Так и чудится – длинная, скверно выкрашенная ограда, а вдоль нее крапива, одуванчики, лопухи и чертополох. Благословенные сорняки. У них есть вера в себя и свирепая жажда жить.

Мне, голодной и дикой, казалось в те дни, что мир похож на несправедливо разрезанный и розданный пирог. Одним – добрые состоятельные родители, другим – бараки, клопы, вечный запах перегара.

Сын, получивший на старте куда как поболее многих. Спокойный, сытый, ласковый, уверенный в себе. От меня – крепкие корни и хватка. От воспитания и образа жизни – декоративные листики и сладкие плоды. Он почти интеллигентен. Два языка. Умение вести себя за столом. Сынуля моя ненаглядная. Взрослый, веселый денди. Спортсмен и признанный лидер. Прекрасная партия, как выразились бы в старину. Или я не добилась весомых вещей? Или друзья мои не надежные сильные люди? То-то и оно. Горестный вздох забытого гостя сдул меня с облаков самолюбования. Душа пронеслась над пятнистыми городскими крышами, описала плавный круг и впорхнула в форточку. Неуклюже растопырившись, затормозила. Ко мне вернулась способность вникать.

- Выходит, ваша девушка неглупа и хороша собой.

Саша, не сын, а этот худосочный утренний гость, кивнул.

- И вам она дорога.

Еще один кивок.

- Превосходно. А если на самом деле она не Дарья, а Зина. Не студентка, изучающая психологию, а... нянечка в больнице, имеющая малолетнего сына? И выросла она в Гадюкино, и воспитывалась в подъезде. Все равно – найти и немедленно жениться? И жить вместе долго и счастливо?

Саша решительно согласился.

- Да.

Мой гротеск, мою издевку он принял за чудесное снадобье и выпил без колебаний.

- Я так и сделаю.

Заявил он.

- Надо только подумать, как ее отыскать. Вы все очень правильно сказали. Спасибо.

Падать в обморок я не стала. Большой мальчик, пусть поступает, как хочет. На прощание он галантно облобызал мою ледяную ладонь.

- У Дарьи... пусть пока Дарья, раз я не знаю ее имени, тоже такие тонкие и холодные пальцы. Извините, ради Бога, за беспокойство.

Он ушел, я выслушала гудение удаляющегося лифта, бросила на холодильник визитку, глотнула остывшего чая из заварника, вытерла полы, собрала останки чашки, попутно отыскались и шлепанцы - на кухне под столом. И решила всласть поваляться. Ну и утро сегодня! Вернее, почти полдень. Самое время вздремнуть. Имею я право на отдых после затянувшегося внепланового сеанса психотерапии? Выслушивать бред сивой кобылы несколько часов, и не вспылить, и не послать подальше. У меня железные нервы и добрая душа!

Похвалив себя, я перенесла цветы в спальню, на белую тумбочку, сбросила обретенные шлепанцы и вытянулась, наконец. Закрывает глаза. И поняла, что не усну ни за что. Точно птица в клетке трепыхалась неутомная мысль.

- Кто эта Сашина девочка? Кто? Несомненная склонность к актерству. Поиграть в другого человека не так просто, как кажется. А мы имеем и любование самурайскими мечами, и чтение хайку наизусть. И балетную осанку. Саша выразился красиво – держит спину, как царица. Но со мной-то

ясно. Последствия юношеской травмы. И короткий совет врача. Либо ты спину, либо спина тебя. Пришлось приучить себя никогда не сутулиться, спать на жесткой постели без подушки и почти тридцать лет своей жизни начинать утро с получасовой гимнастики. А девочка? Играет в меня? Или балльными танцами занимается? Есть над чем поломать голову. Через часок, нарисовав несколько мысленных схем, я поднялась и занялась рутинными домашними делами. В семь вечера заглянул сладкий мамин мальчик.

- Привет.

Я полюбовалась красавчиком (все матери такие полоумные?), покормила его, расспросила об учебе и делах.

- Нормально, мать. Не грузись.

- Как Маша?

- Как всегда. Что ей сделается?

Помню, первое время меня изрядно шокировало решение сына жить отдельно, в хрущовке, завещанной прабабушкой. Та была крайне неуживчивой старухой, всех обвиняла, не терпела внука – моего мужа. Родной дочери и той пощады не было. Но Сашка ее неожиданно очаровал. Она стала заезжать в гости, покупать игрушки и одежду. А позже удивила всех, оставив ему квартиру. Свекровь сказала, что Сашка очень похож на прадеда. Может, и так. Не знаю. Когда он удалился от меня в собственное жилье, я испытывала муки почти ревности. Оказалось, чрезвычайно трудно отпустить повзрослевшего сына на волю. Постепенно все устаканилось. Сашка неплохо подрабатывал, водил иностранных туристов по городу. Приоделся, купил аппаратуру. Летом заканчивает учиться. Не верится. И три года уже встречается с Машкой. Хотя в наше время совместное житье называли гражданским браком. Когда оно было, наше время? Когда? Сын прервал мои мысли, стал хвастаться, показывать снимки.

- Они старые, мам, но ты их не видела. Это новый год в Париже.

- А, верно. Не видела.

Он – такой очаровательный и веселый в окружении афроамериканок, с японскими пожилыми дамами, с немцами, бразильским другом. Чудно.

- А где Машка?

Спросила я. Сын пожал плечами.

- Говорит, в родные дебри ездила.

- Ничего не понимаю. Почему вы не вместе?

- Мам, но денег же не хватило. А тут эта горящая путевка. Такой шанс. Тысячелетие не каждый год встречают.

Объяснил он мне поучительно и строго. Я похолодела.

- Но Маша твоя девушка.

- Само собой.

- Она тебя простила?

- Машка?

В его голосе было пренебрежение хозяина. Почему столько времени уделяют его собственности? И скука. Скука, которая меня хлыстнула.

- Я бы не стала с тобой встречаться после этого.

- Ты!

Он показал, подчеркнув интонацией, что между мной и его девушкой непреодолимый каньон.

- Сын, это свинство.

- А ты не знала, что я ездил один?

- Нет. Ты не говорил.

- Просто была занята, как всегда, и не обратила внимания.

Он хотел, чтобы мне стало стыдно, но я начинала злиться, по причине, которую не вполне понимала. Он добавил сердито.

- Брось. Машка это временное явление. Она это прекрасно понимает. Ты же знаешь, я говорил. Мы с ней совершенно разные люди. Просто деловое соглашение. Ей удобнее со мной, чем в общаге. Вот и все. Она из кошмарной семьи. Не представляю, как ей удалось поступить в столичный институт.

- Ты говорил она самая умная на курсе!

- Да. Ну и что. Думаешь, одни знания ей бы помогли? Но она у нас красавица!

Мне стало гадко. Торопливо поцеловала сына в щеку и выпроводила. Помахала рукой в окно. И тут что-то щелкнуло в моей дурацкой голове.

Иногда я бываю редкой идиоткой. Мария! Не захотела встречать Миллениум в Париже? Чтобы с моим равнодушным красавцем не столкнуться невзначай? Ах, глупая. Мария все знает обо мне! Как я из ничего стала кем-то. Как лбом пробивала стены. Как лепила свою жизнь с абсолютного нуля. Мария. Умница и красавица. Пусть мой собственный, плоть от плоти, сын и не оценил. Что с того? Его папочка тоже кривился, когда говорил о моем происхождении... Мария. Сильная, веселая, блестящая. Ты обязательно будешь счастлива, обязательно. Я, конечно, старая кретинка, но иногда не прочь сыграть роль доброй феи. И постараюсь изо всех сил. Кто у нас в семье прекрасно оплачиваемый психоаналитик? Милая моя девочка. Изменила Сашке месяц назад? Только-то? Может, худой и пылко влюбленный юрист затронул нужную струнку в душе. Замечательно. Романтичный и нежный Александр, вот какая оправа превосходно подойдет. Без сомнения. А не мой самовлюбленный мальчик! Он не простит слишком многого. Силы, в первую очередь. А для моего утреннего страдающего Ромео это одна из самых чудесных сторон твоей натуры. Пришлась по душе его деду. Может и мне с ним познакомиться? Будем вместе играть в покер...

Сашка еще не скрылся под аркой, а я уже набирала номер его квартиры.

- Маша? Это Дарья Вадимовна. Что вы делаете? Ничего особенного? Вот и замечательно. Вы меня очень выручите, если подъедете на полчаса. Пожалуйста.

Я пошарила на холодильнике, разыскивая визитку своего утреннего гостя. Дозвонилась мгновенно.

- Александр? Это Дарья Вадимовна. Вы мне очень нужны, ненадолго. Прямо сейчас, если это возможно...

И, в полном восторге от происходящего, я стала варить кофе.

(2009)

Выполните целостный анализ произведения Н. Шумак. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: способы выражения авторской оценки события, положенного в основу сюжета; роль стилистического приёма парцелляции в тексте. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Перед Вами подстрочный перевод отрывка из стихотворения американского поэта Эдгара Аллана По (1809 – 1849) «Колокола» (1828), созданный с использованием искусственного интеллекта, и 3 варианта его перевода. Сравните переводы, сделанные поэтами, с подстрочным переводом и выберите ОДИН из них, который наиболее точно соответствует, на Ваш взгляд, авторскому замыслу. Напишите небольшое эссе (примерно 240-250 слов), в котором обоснуйте свой выбор (учитывайте название стихотворения, лексику, поэтическую фонетику, детали, их влияние на расстановку смысловых акцентов).

I

Услышь сани с колокольцами—
Серебряными колокольцами!
Какой мир веселья их мелодия предвещает!
Как они звенят, звенят, звенят,
В ледяном воздухе ночи!
В то время как звезды, которые усыпают
Все небеса, кажется, мерцают
С хрустальным восторгом;
Отбивая такт, такт, такт, (*здесь: звон в такт*)
В некоем руническом ритме,
Под перезвон, что так музыкально струится
Из колоколов, колоколов, колоколов, колоколов,
Колоколов, колоколов, колоколов—
От побрякивания и звона колокольцев.

II

Услышь неторопливые свадебные колокола,
Золотые колокола!
Какой мир счастья их гармония предвещает!
Сквозь благоухающий воздух ночи
Как они гудят от своего восторга!
Из расплавленно-золотых нот,
И все в унисон,
Какая льющаяся песенка плывёт
К горлице, что слушает, в то время как она упивается
Луной!
О, из звучащих недр,
Какой поток благозвучия объёмно струится!
Как он нарастает!
Как он задерживается
На Будущем! как он вещает
О восторге, что влечёт
К раскачиванию и гулу
Колоколов, колоколов, колоколов,
Колоколов, колоколов, колоколов, колоколов,
Колоколов, колоколов, колоколов—
К рифмующемуся и перезваниванию колоколов!

Перевод К. Бальмонта (1901)

I

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшеббно наслажденье-наслажденье нежным сном.
Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,
И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем
Молчаливым обаяньем,
Вместе с звоном, вместе с пеньем, о забвеньи говорят.

II

Слышишь к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят.
Из призывных дивных келий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упадая, брызги светлые летят.
Вновь потухнут, вновь блестят,
И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов,
Возвещаемых согласьем золотых колоколов!

Э.А. По

Звон

Перевод В. Брюсова (1914)

I

Внемлешь санок тонким звонам,
Звонам серебра?
Что за мир веселий предвещает их игра!
Внемлем звонам, звонам, звонам
В льдистом воздухе ночном,
Под звездистым небосклоном,
В свете тысяч искр, зажженном
Кристаллическим огнем, -
С ритмом верным, верным, верным,
Словно строфы саг размерным,
С перезвняживаньем мягким, с сонным отзывом времен,
Звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Бубенцов скользящих санок многозвучный перезвон!

II

Свадебному внемлешь звону,
Золотому звону?
Что за мир восторгов он вещает небосклону!
В воздухе душистом ночи
Он о радостях пророчит;
Нити золота литого,
За волной волну,
Льет он в лоно сна ночного,
Так чтоб горлинки спросонок, умиленные, немели,
Глядя на луну!
Как из этих фейных келий
Брызжет в звонкой эвфонии перепевно песнь веселий!
Упоен, унесен
В даль времен
Этой песней мир под звон!
Про восторг вещает он.
Тех касаний,
Колыханий,
Что рождает звон,
Звон, звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Ритм гармоний в перезвоне, - звон, звон, звон!

Перевод В. Фёдорова (1923)

I

Слушай — санки... бубенцы...
Бубенцы!
Это — радость, серебринки,
Пролетят во все концы!
Звон за звоном, словно гроздя,
По морозу в ночь и в тень.
И мигающие звезды,
Ярко брызнув в мерзлый воздух,
Динь-динь-динь и День-день-день —
И раздольно и гульливо
По руническим мотивам
Ручейками разливаясь, торопясь во все концы —
Бубенцы!
Запевают бубенцы —
Пролетают и играют бубенцы.

II

Слушай — сладостный, зеркальный
Звон венчальный!
Звон искристый, золотистый,
Звон недалёкий, беспечальный!
Он плывет по стогнам ночи,
То протяжней, то короче!
Полнозвучный, весь литой,
Золотой —
Пеньем лютни, лютни плавной
Своенравной,
В тишину,
Песней горлинки забавной
На весеннюю луну, —
Он из чаши колокольной
Вольный, как поток раздольный,
Нарастает...
Нарастает в высь и сладостно он тает,
Отдыхая, замирая...
Звон за звоном — перезвон,
Звон, и звон, и звон, и звон
Перезвон —
Отовсюдный, изумрудный, светлый звон...

11 класс

Задание I

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Евгений Витченко (род. 1983)

* * *

Еще ты злишься, друг прелестный.
Еще ты слёзы льешь над бездной
Беззвёздной. Только и всего,
Что нам осталось понемногу
Внимать классическому слогу.
Молиться Богу,
но его

Присутствия мы не уловим.
Лишь приблизительный синоним
(А это совесть) подберем.
Как хорошо на белом свете
Жить на пределе, на фальцете!
И видеть звёздочки
в проём

Окна. А нет их, то придумать.
И створку приоткрыть, подует
Когда нездешний ветерок.
Как странно, что его не видим,
Но чувствуем. И лучше выйдем
Ему навстречу:
это Бог.

О, Боже мой, какая сила
По свету, знать, тебя носила,
Что не было тебя кругом!
Одно безветрие. Беззвёздность.
И ночь. Вернее, очередность
Ночей. И смерть вся
в голубом.

(2022)

Выполните целостный анализ произведения Е. Витченко. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: значение интертекста (скрытого цитирования), своеобразие поэтической фонетики и синтаксиса. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Путь пса

*У животных, у зверей все не так, как у людей
«Запрещенные барабанщики»*

Я влип в невероятную историю. Редактор отправил меня во Владимирскую область брать интервью у генерального директора крупного химкомбината. Я всегда с восторгом принимаю неожиданные задания ехать куда-нибудь. Причем мне, так сказать, по барабану куда ехать, лишь бы только ехать.

«Очень серьезный человек, — предупредил меня редактор, — поэтому рассчитываю на серьезную работу».

Сказано – сделано. Стартовал в шесть утра. Около метро «Юго-Западная» краем глаза заметил свору собак. Собаки как собаки. Прошел бы мимо, но увидел, что от своры отделился один деловой барбос. Прежде чем отойти от своих приятелей, пёс как-то странно посмотрел на них и кивнул, типа, увидимся позже, друзья. Собаки в ответ затоптались. Они явно замутили какой-то тайный проект.

Вот такое ничего не предвещающее наблюдение стало началом невероятной истории, которую я горю желанием побыстрее изложить. Вместе с псом мы спустились под землю. Я шел по лестнице, а рядом со мной перебирала лапами довольно крупная густошерстная дворняга со здоровыми мускулистыми конечностями. Мужик среднего возраста. Как и я. Беспородный кобель. Как и я. Он довольно нагло проскочил сквозь кордон дармоедов-контролеров и юркнул в вагон. Я зашел следом. В вагоне кобель лег на брюхо и положил морду на передние лапы. Прикрыл глаза. «Ой! — вскрикнул маленький мальчик. — Собачка на работу тоже едет!» Выражение лица у пса было задумчивое. Чувствовалось, что он повидал кое-что на своем веку...

Всякий раз, когда из динамиков доносился голос диктора, объявляющий следующую станцию, пёс поднимал и поворачивал уши в сторону источника звука. Похоже, он действительно ехал по важным делам и следил за последовательностью станций. На «Библиотеке имени Ленина» мы оба вышли. Вместе с потоком пассажиров пёс засеменил на Арбатско-Покровскую линию. Я за ним. Он зашел во второй вагон от головы состава, а я в третий. Это я специально так сделал, чтобы барбос не заметил хвоста. Вообще-то, мне надо было ехать до «Курской», но я направился в противоположенную сторону. «Чутьчку посмотрю, куда едет собака, — решил я, — и тут же на химкомбинат. Ну, немного опоздаю. Ничего страшного».

«Чутьчка» не получилась. Мы доехали с псом до станции «Молодежная». Вышли в город. Сначала минут двадцать плелись по городским улицам. Потом объект свернул на бездорожье и потащил меня по каким-то совершенно несусветным местам — мимо гаражей, свалок, канав, пугающих металлических коробок без дверей и окон, мимо бульдозеров, вросших в глину по кабину. На всякий случай, чтобы не привлечь к себе внимания, я отключил мобилу.

В какой-то момент пес замер. Остановился, как вкопанный. Правая передняя нога его зависла в воздухе. «Спалился! — подумал я. — Все пропало! Хреновый из меня шпион получился».

К счастью, неподалеку стояло толстое дерево, за которое я молниеносно шмыгнул. Объект очень медленно повернул голову, а уши, словно антенны направил в другую сторону. Передняя нога продолжала висеть в воздухе в полусогнутом состоянии. Я наблюдал за собакой левым глазом, высунув из-за дерева половину своего лица. Правый мой глаз уперся в разлом коры, напоминающий с близкого расстояния американский каньон.

«Да, тертый калач — этот пес, — подумал я, — обнаружил все-таки слежку».

На мою удачу ветер дул от собаки ко мне, поэтому псу не удалось меня учуять. Постояв так еще с полминуты, он снова двинул по делам. Я за ним. Мои парадные туфли и штанины брюк

покрылись вязкой грязью. Я вырядился понта ради, чтобы герой интервью относился ко мне с уважением.

Опять замелькали сваи, прямоугольные домики строителей, канавы, ямы, заборы. Целью пути барбоса было кубическое здание с единственной дверью — станция отопления или как ее еще называют «теплоцентральный». На стене станции красовалась размашистая надпись, обладающая таким же непостижимым размашистым смыслом: «Кони е-т мясо». Здание с загадочной надписью располагалось на пустыре, окаймленном крупноблочными потертыми многоэтажками. Пейзаж радовал глаз своей уютной унылостью.

У теплоцентрали моего пса поджидала собачья компания, состоявшая из пятнадцати-двадцати особей. Поскольку дело происходило на пустыре, и спрятаться было негде, я решил притвориться собирателем целебных трав. Тем более вид у меня, так сказать, — ботанический: очки, не вполне русское лицо, бакенбарды. Мало ли что? Может, я — шведский ученый приехал изучать флору московских пустырей. Я принялся рвать какие-то вялые дички, для убедительности цокая языком и покачивая головой: «Какой редкий экземпляр! Надо же!» Вроде, моя буффонада убедила банду четвероногих. Собаки сначала восприняли меня с недоверием, но потом видимо решили, что вряд ли придурковатый лох может иметь к ним какое-то отношение. И зря, кстати. Я рылся в сорняках, а сам краем глаза наблюдал за лохматой группировкой. Сначала мой пёс подошел к выступившему ему навстречу небольшому, но крепко сложенному кобелю и что-то проскулил ему в ухо. Представитель банды твякнул и вильнул хвостом. Я понял, что у них произошел следующий разговор: «Здравствуйте! Я — такой-то, прибыл от таких-то, для такого-то дела». Ответ: «Приветствую! Давно ждем. Шеф готов вас принять. Пройдемте».

Пса с «Юго-Западной» провели в центр своры к маленькой, вытянутой, словно эспандер, коротконогой суке, имевшей туловище таксы и крокодильи морду с огромными зубастыми челюстями. Это видимо и был «шеф». «О! Да у них тут полный матриархат!» — воскликнул я про себя.

Мой земляк поклонился «шефу», встав, как цирковая лошадь, на сгиб передних ног. «Шеф» удовлетворенно кивнула. Начались переговоры. Соединив все эти повизгивания, потягивания, виляния и кивания в единую логическую цепь, я понял, что между животными состоялась такая беседа:

Шеф: «Наши договоренности в силе?»

Мой пёс: «Конечно».

Шеф: «Вы уверены?»

Мой пёс: «Уверены».

Шеф: «Тогда действуйте. Мы согласны».

Мой пёс: «Спасибо».

Шеф: «Желаю удачи!»

Мой пёс: «Аналогично».

Мой земляк откланялся и побежал вон с пустыря. Я сорвал ветку бузины, растер цветочек в ладонях и, стукнув себя по лбу, крикнул, как можно громче, причем с англоязычным акцентом: «Я есть старый дурак! Меня уже полчаса ждут в академия! Проклятый рассеянность!»

Конечно, все это вышло довольно наиграно, грубо, но собаки, вроде, поверили мне. Они не очень хорошо разбираются во всяких там постановочных штучках-дрючках. Скажу больше, они, вообще, не знают, что живой организм может прикинуться другим живым организмом. Мы же никогда не видели добермана, который под аплодисменты псинной публики копирует повадки пуделя. Максимум, что может сделать собака — притворится мертвой или доброй, чтобы потом неожиданно цапнуть обманутую жертву за ногу. А я — человек. И горд этим. В отличие от животных, ну, кроме обезьян и попугаев, я умею подражать, копировать, имитировать, пародировать. В арсенале человека — масса возможностей. Поэтому он считается венцом творения.

Не буду докучать подробностями обратного пути моей собаки и сопутствующей ей слежке. Лучше перенесемся сразу на Казанский вокзал, куда меня привели деловой пёс, мое преступное любопытство и злостная безответственность. Время клонилось к обеду. Железнодорожные рабочие и офисные служащие уже грезили вечерним отдыхом, а я топал по шпалам за собакой неизвестно куда.

Стоит отметить, что пространство, начинающееся там, где заканчиваются платформы Казанского вокзала — это отдельный, фантастический мир, не имеющий никакого отношения ни к Москве, ни к России. Здесь, среди хитросплетения рельс, расположен Дынный Город, населенный азиатами. Этот город желтеет россыпями сочных чарджоуских дынь-торпед. Есть здесь также Город Бомжей. Он находится в районе мусоросборников. Поезда дальнего следования освобождаются в этой точке от мусора и помоев, а выползающие из своих лачуг бездомные люди выбирают в мусорных контейнерах все, что полезно для их жизнедеятельности. И, конечно же, в Заказанском мире невероятное количество всяких вагонов.

Все это я увидел благодаря собаке, за которой следовал тенью. Пёс периодически останавливался, принохивался, озирался, прислушивался... Он то замедлял ход, то вдруг срывался и неся невесть куда. А я за ним. Так продолжалось несколько часов.

Путь пса завершился около обшарпанного плацкартного вагона без обозначений пунктов следования. Я притаился под стоящей неподалеку цистерной, сгорая от желания побыстрее открыть загадку параллельной собачьей цивилизации.

Пёс направил морду в сторону вагонной двери и прогавкал строгий ритмический рисунок. Если перевести его сигнал на ноты, то получится восемь «гавов», уложенных в синкопу на два двухчетвертных такта. То есть, восьмая-четверть-четверть-четверть-четверть-четверть-восьмая-четверть-четверная пауза. Дверь вагона со скрежетом открылась, и наружу выкатилось голое человеческое пузо. Остальные части тела обитателя вагона, остались внутри. Еще я увидел схватившуюся за край двери здоровенную лапу с наколотым солнышком. Такие наколки делали в шестидесятые–семидесятые: закругленный край солнца находится около кисти, а от него к пальцам расходятся лучи.

— Абрам пришел! — пробасил обитатель вагона.

Барбос взвизгнул и завилял хвостом.

— Абраша! — радостно отозвался из глубины вагона пропитой женский голос. — Николай, зови его сюда быстрее! Наконец-то!

Абрам ловко запрыгнул в вагон. Дверь захлопнулась.

«Странное имя для пса — Абрам, — подумал я, — обычно собакам дают абстрактные комичные клички — Тузик, Жучка, Шарик. Изредка литературно-исторические, типа, Аргус, Наполеон, Чарли, Маркиз, Умка. Но причем здесь Абрам? Человек не мог назвать пса таким именем.

Я приложил ухо к стене поезда. Гробовая тишина. Ни лая, ни человеческих голосов. Робко постучался. Никакого эффекта. Постучался сильнее — без толку.

По поезду, в котором оказался Абрам, пробежала дрожь. Лязгнули сцепляющие устройства. Колеса вагонов медленно завращались. Пустой поезд-призрак, покатил вместе с моей тайной на восток.

«Летучий голландец, — подумал я, — не удивлюсь, если в кабине машинистов пустота».

— Добрый вечер! — строго-приветливо прозвучало за моей спиной. — Кто вы такой и чем здесь занимаетесь?

Я обернулся и увидел вохровца с кобурой на поясе.

— Да, видите ли, — залепетал я, — тут какое дело произошло...

Выслушав мою историю, вохровец велел мне срочно убираться из железнодорожного отстойника, пригрозив физической расправой. Я безропотно выполнил его наказ. Правда, найти дорогу оказалось непросто: везде вагоны, вагоны, вагоны и так до горизонта.

Я долго шел. Где-то в одиннадцатом часу, когда по городу расплылось чернильное пятно сумерек, я, наконец, обнаружил вокзал. Только почему-то не Казанский, а Рижский. Стало быть, я брел по Рижской ветке. По Рижской... Да-с.

На вокзале я внезапно вспомнил про мобильный телефон. Включил. Тридцать семь пропущенных вызовов: двадцать девять из редакции и восемь с химкомбината. Я решил срочно позвонить редактору, но не для того, чтобы объяснить причину моего исчезновения. Просто я понял, что, если прямо сейчас не позвоню умному человеку и не расскажу об Абраме и его странных друзьях, меня просто разорвут на куски полученные впечатления.

(2018)

Выполните целостный анализ произведения В. Гуга. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: способы выражения авторской оценки события, положенного в основу сюжета; значение эпиграфа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Перед Вами подстрочный перевод стихотворения французского поэта Поля Верлена (1844 – 1896) «Искусство поэзии» (1874), созданный с использованием искусственного интеллекта, и 3 варианта его перевода. Сравните переводы, сделанные поэтами, с подстрочным переводом и выберите ОДИН из них, который наиболее точно соответствует, на Ваш взгляд, авторскому замыслу. Напишите небольшое эссе (примерно 240-250 слов), в котором обоснуйте свой выбор (учитывайте стихотворный размер, лексику, детали, их влияние на расстановку смысловых акцентов).

П. Верлен

Искусство поэзии

Подстрочный перевод

Музыки прежде всего,
И для этого предпочитай Нечётное (*имеется в виду нечётный размер*)
Более смутное и более растворимое в воздухе,
Без ничего в нём, что бы весило или позировало (*т.е. без тяжеловесности и напыщенности*).

Надо также, чтобы ты ни в коем случае не шёл
Выбирать свои слова без некоторой ошибки (*здесь: двусмысленности, неоднозначности*).
Нет ничего дороже, чем «серая песня» (*т.е. неяркая, полутон*)
Где Неопределённое с Определённым соединяется.

Это прекрасные глаза за вуалями,
Это полдневный день трепещущий,
Это, под осенним небом, охлаждённым,
Голубое переплетение ярких звёзд!

Ибо мы хотим Ньюанс снова,
Не Цвет, ничего, кроме нюанса!
О! нюанс один только обручает
Мечту с мечтой и флейту с валторной!

Беги издалека Остроту убийственную (*имеется в виду остроумие, каламбур*),
Остроумие жестокое и Смех нечистый,
Которые заставляют плакать глаза Лазури,
И весь этот чеснок низкой кухни! (*т.е. грубые приёмы*).

Возьми красноречие и сверни ему шею!
Ты сделаешь хорошо, в порыве энергии,
Немного Рифму укротив.
Если за ней не следить, куда она дойдёт?

О, кто расскажет о вине Рифмы?
Какой глухой ребёнок или какой безумный негр
Нам выковал эту безделушку ценой в грош
Которая звенит пусто и фальшиво под напильником?

Музыки снова и всегда!
Пусть твой стих будет улетевшей вещью
Которую чувствуешь, что ускользает из души, что ушла
К другим небесам, к другим любовям.

Пусть твой стих будет удачей (*игра слов: "bonne aventure" — и "счастье", и "гадание"*)
Рассеянной по свежему утреннему ветру,
Который идёт, благоухая мятой и тимьяном...
И всё остальное — литература. (*здесь в негативном смысле — пустое ремесленничество*).

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод В. Брюсова (1874)

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим и вместе
Не давит строгой полнотой.

Ценя слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной что дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!

То — взор прекрасный за вуалью,
То — в полдень задрожавший свет,
То — осенью, над синей далью,
Вечерний, ясный блеск планет.

Одни оттенки нас пленяют,
Не краски: цвет их слишком строг!
Ах, лишь оттенки сочетают
Мечту с мечтой и с флейтой рог.

Страшись насмешек, смертных фурий,
И слишком остроумных слов
(От них слеза в глазах Лазури!),
И всех приправ плохих столов!

Риторике сломай ты шею!
Не очень рифмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведет, скажи!

О, кто расскажет рифмы лживость?
Кто, пьяный негр, иль кто, глухой,
Нам дал грошовую красоту
Игрушки хриплой и пустой!

О музыке всегда и снова!
Стихи крылатые твои
Пусть ищут, за чертой земного,
Иных небес, иной любви!

Пусть в час, когда всё небо хмуро,
Твой стих несётся вдоль полян,
И мятою и тмином пьян...
Всё прочее — литература!

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод Г. Шенгели (1938)

Музыке — прежде всего другого!
Нужен поэтому зыбкий стих.
Растворимый в напеве легче других,
Лишённый надутого и тугого.

К тому ж выбирай твои слова
Слегка небрежно, чуть презирая:
Ведь песенка нам милей хмельная.
Где Ясное в Блеклом сквозит едва.

Это прекрасный взор под вуалью.
Это трепещущий летний зной,
Это в осенней дымке сквозной
Звёздная пляска над синей далью.

Ведь мы Оттенков жаждем и ждём!
Не надо Красок, Оттенков нужно.

В оттенках лишь сливаются дружно
С мечтой мечта и флейта с рожком!

Прочь узкий Рассудок, Смех порочный!
Беги убийц — финальных Острот,
От которых лазурь лишь слёзы льёт!
Вон эту пошлость кухни чесночной!

А ригоризму шею сверни!
И хорошо, коль сможешь на деле
Добиться, чтоб рифмы чуть поумнели:
Не следить, — далеко заведут они!

Кто рифменным не был предан мукам:
Негр ли безумный, мальчик глухой
Сковал нам бубенчик жестяной
С его пустым и фальшивым звуком?

Лишь музыку ищи и лови!
Сделай стихи летучей игрою,
Чтоб чувствовалось: он послан душою
В иное небо, к иной любви.

Пусть в утренний бриз, коль небо хмуро.
Он предсказаниями веет, пьян.
Вдыхая с ним мяту и тимьян...
А прочее всё — литература.

П. Верлен

Искусство поэзии

Перевод Ю. Лифшица (2008)

Музыки — прежде всякого слова,
предугадай особенный Слог,
лёгкость и смуту вставь между строк
вне показной и плотной основы.

Нехотя делай словоотбор,
не подходи к заведомой цели,
только в запойной песенной трели
Света и Тени сходится створ.

Это — глаза под пеной вуали,
это — полудня зыбкий навес,
это — озноб осенних небес
в синем хаосе звёздной эмали.

Нужен Оттенок, тонкий настрой,
важен не Цвет, — оттенка свечение,
лишь светотень ведёт к обручению
грёзы с мечтою, флейты с трубой.

Вычурный Смех, Ума истерию,
пошлых Острот смертельную дурь
выбрось, поскольку плачет Лазурь
в этой чесночной кулинарии.

Горло фразёрству переломай!
Было б неплохо, если б отныне
ты поубавил Рифмам гордыни:
чуть недосмотришь — выйдут за край.

Как оценить от Рифмы убытки?
Раб ли глухой, юнец-идиот
с ходу дешёвку эту куёт,
делает пустозвонные слитки?

Музыки вновь, во веки веков!
Чтобы все знали: стих твой парящий
послан душою, ибо обрящет
новую страсть и новых богов.

Чтоб на заре, прошив неизвестность,
судоржным ветром к небу влеком,
веял он мятой и чабрецом...
Всё остальное — только словесность.

9 – 11 класс

Задание 1

Критерии оценивания:

1. Точность понимания общего смысла произведения, интерпретационная целостность работы, обоснованность толкования текста, ясность итоговых формулировок – до **10 баллов**.
2. Умение делать аналитически значимые наблюдения над структурой текста, охват разных его уровней, установление обоснованных связей между структурными элементами – до **15 баллов**.
3. Композиционная связность, логичность переходов между частями, умение представить результаты аналитической работы без повторов и без включения в работу фрагментов, не связанных с задачей анализа, – до **5 баллов**.
4. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно, без искусственного усложнения текста работы – до **5 баллов**.
5. Историко-литературная эрудиция, уместность и обоснованность использования фонового материала из области культуры и литературы, не заслоняющего анализируемый текст, а расширяющего его смысл, обогащающего его интерпретацию; отсутствие фактических ошибок – до **7 баллов**.
6. Общая языковая и речевая грамотность: учитывается прежде всего соответствие речевого оформления коммуникативной задаче, точность выражения мысли, умение ученика обходиться без штампов и клише; основанием для снижения балла является бедность лексики, однообразие синтаксических конструкций, орфографическая и пунктуационная безграмотность, существенно затрудняющая понимание текста, – до **3 баллов**.

Максимальный балл – **45**.

Комментарий

Направления анализа, предложенные школьникам, даны лишь для того, чтобы обратить их внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не соответствие ее вспомогательным вопросам.

Задание 2

Критерии оценивания:

1. Аргументированное обоснование выбора перевода стихотворения, сделанное на основании понимания авторского замысла – до **10 баллов**.

2. Сопоставление подстрочного перевода с авторским, выявление значимых смысловых оттенков в выбранном переводе, обоснованное объяснение того, какие смысловые акценты принципиально важны для понимания исходного текста – до **7 баллов**.
3. Логичность, связность, речевая грамотность работы – до **3 баллов**.

Максимальный балл – **20**.